представителя России заставило Хемницера отказаться от нанятых для него «по комиссии из Константинополя» гостиничных номеров. Жить в трактире «по причине той, что это трактир, а я Российского Императорского двора генеральный консул, за благо не рассудил: просто Иван Хемницер жил бы» (61). На «свои родные денежки» он арендует дом за 750 пиастров. Не случайно за несколько недель до этого Хемницер отметил в «Записной книжке», что дом и сад полномочного министра Я. И. Булгакова в Буюк-Дере «превосходят всех прочих огромностью и великолепием» (398—399).

Хемницер быстро переломил привычку турков обращаться с консулами других государств, как с «оброчными крестьянами» и принимать от них поклоны — «нет, шалуны, ошиблись». Изящно отстранил он и попытку «великого учтивца», местного судьи (кадия), задобрить консула России, которая теперь сама диктовала свои условия Турции. «Кадий сыграл ныне со мною фарс, что прислал ко мне разные его женщинами вышитые ковры в <...> подарок, хотя он и сказать велел, чтоб я это не счел в подарок, а принял бы так как работу его женщин; я все это и не принял в подарок, а как работу его женщин отправил к нему обратно с комплиментом, что я его благодарю за учтивость, что он мне показал работу своих женщин, которой я надивиться довольно не мог. Не знаю, что он подумал, а я думал, что подарок от кадия российскому консулу должен от российского консула назад к кадию возвратиться» (81, 83).

Хемницер оказался деятельным, оборотистым чиновником. Подробные письма Львову о «штатских обстоятельствах», сохранившиеся записи «комиссий и исполнений», сделанные четким убористым почерком, толковые донесения в Коллегию иностранных дел и Коммерц-коллегию опровергают сложившееся о Хемницере представление как о рассеянном, плохо ориентирующемся в жизни человеке. «Книги заведены, — писал он Львову, — приезжающие и отъезжающие суда с их экипажами и манифестами вписываются без запущения <... > Ссоры да споры судимы и разрешаемы без волокитства» (70).5

Хемницер старался ничего не упустить для закрепления успеха российской политики на Востоке. Зная о темпах и масштабах освоения южных земель, он «сыскивает и уговаривает кого только можно, чтоб переселиться к нам в Россию» (71). При этом он учитывает

⁴ Специалисты, знакомые с подлинниками рукописей Хемницера, также отмечают продуманную точность во всех его бумагах: записи всегда сделаны очень аккуратно и легко читаются, несмотря на то что содержат много поправок и написаны очень мелко. См. об этом: Боброва Л. Е. Сборник И. И. Хемницера «Эпиграммы и прочие надписи» // Ученые записки Лен. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена. Каф. русской литературы. Л., 1958. Т. 168. Ч. 1. С. 8.

⁵ Хемницер был столь же требователен и к своим подчиненным, особенно к переводчикам с турецкого языка, и тщательно подыскивал себе добросовестного знающего драгомана.